

ловек талантливый, режиссер ищущий. Это были годы, когда широкая волна театральных поисков и экспериментов докатилась «от столиц до границ».

Театр Л. М. Эльстона, при всей условности сцены, оправдывал, однако, свое имя — оставался реалистическим театром, где главным «средством» был актер. В этом театре из девочки Нины родилась артистка Кардонская, навсегда сохранившая благодарную память о нем.

Очень молодая, очень подвижная, она играла резвых мальчишек и девчонок в Свердловском ТЮЗе. Когда грянула Великая Отечественная, Нина вернулась в родную Тюмень.

Эти годы — с сорок пер-

Дорину в «Тартюфе», Марту в «Валенсианской вдове», Герарду в «Хитроумных влюбленных». Одна из красавиц запомнилась больше других — Марианна из спектакля «Дон Сезар де Базан» (он лет 10 назад шел в Тюмени под названием «Испанский дворянин»), ставил который Ю. А. Замятин. Был срочный ввод — текст роли Марианны принесли Нине Яковлевне домой в ночь на субботу. А субботним вечером уже играть! Редко, но бывает такое. Она отказывалась, однако роль ей оставили. И какая уж тут ночь!..

В субботу Марианна «стоялась». Опыт, обостренную память, дар импровизации и предельное напряжение нервов — словом, все силы души и тела принесла в тот вечер Н. Я. Кардонская в театр. Товарищи спрашивали после спектакля зрителей — зрители «ничего такого» не заметили. А в гримерной в это время актриса плакала. Это было нормально, даже название этому есть — «разрядка нервного напряжения»...

Случай, конечно, исключительный. Но в нем видно то чувство ответственности за свое дело, за театр, которое характерно для Нины Яковлевны. Это чувство не позволяет «манкировать» на репетициях, прийти на спектакль без текста «на языке» — она работает тщательно и... взволнованно. Примеры тому — роли, памятные и сегодняшним зрителям: мадам Ксидиас в «Интервенции», невеста Присыпкина — Эльзевира Давидовна Редеанс — в «Клопе», Анея — в спектакле «Дамы и гусары», Улита в «Лесе», роли нынешнего сезона.

БУКВАЛЬНО на днях разговаривал я с десятиклассницами. Две девочки — очень молодые, очень симпатичные — спрашивали:

— А трудно поступить в театральную студию?

В студию, девочки, не так уж трудно. Но вы ведь хотите «поступить в искусство», а не в студию. А для этого очень мало стройной фигуры и милого личика. Нужно призвание. Да, как у Нины Яковлевны. Оно есть у ней и сегодня — его нельзя утратить, даже проработав на сцене всю жизнь. Ибо призвание — это талант, одержимость и труд. Труд постоянный — до самозабвения — с утра до глубокой ночи. Труд — творчество, муки и радость.

Нина Яковлевна перелистывает пожелтевшую книжечку об Уральском рабочем реалистическом театре. Рукой Л. М. Эльстона на ней написаны слова Станиславского: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве» — завет, которому актриса следует всю жизнь. Завет и залог того, что зритель еще много-много раз увидит Нину Яковлевну на сцене.

В. КЛЕПИКОВ.

СЕГОДНЯ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

(К 50-летию Н. Я. Кардонской)

УВИДЕТЬСЯ с Ниной Яковлевной в эти дни было не просто. Она с утра до позднего вечера на сцене. Марья, мать Иванушки, в «Волшебном пестере» — два спектакля в день. Вечерами — то Нарделла в «Немом рыцаре», то Родэ, «бывшая актриса императорских театров» в спектакле «Гроссмейстерский балл». Увидеть ее на сцене, — пожалуйте, но увидеться и поговорить — сложней. И все же интервью состоялось. И, естественно, началось с вопроса о пути в театр.

НИНЕ было тогда четырнадцать лет. Мечтала ли она о сцене? Как сказать... Впереди были годы и годы — вся жизнь, впереди еще было время окончательных решений. Нина занималась, как и многие ее сверстницы, в школьном драмкружке, не задумываясь особенно о будущей профессии. Любила сцену, ходила в театр, знала тюменских артистов...

Но была благодатная почва для случая... И случай явился. Пришел и подтолкнул: «Иди!» И она пошла. Потому что любимый театр надо было выручать — среди сезона, в 1931 году, уехала актриса, игравшая мальчишек. Ее надо было заменить срочно, немедленно, и актер, руководивший школьным драмкружком, привел в театр Нину.

— Вот вам палочка-выручалочка!

«Выручалочка», проработав в театре до конца сезона, выбрала свою судьбу — выбрала сцену. Вскоре она «насовсем» пришла в Уральский рабочий реалистический театр, который работал тогда в Тюмени.

Руководил театром Лев Михайлович Эльстон — че-

лого по сорок пятый — запомнились особенно прочно. Страна воевала. Фронт был за тысячи верст, но был и рядом. Была такая работа, когда день и ночь различать было некогда — «ночью» считались часы, в которые удавалось поспать.

Артисты ходили на Туру, вылавливали из осенней черной воды скользкие бревна, складывали их на берегу, возили в театр, пилили, кололи. Прозябнув на репетиции, актеры выбегали во двор — это называлось «погреться о топор». Запомнились ночные концерты на вокзале — провожали на фронт бойцов. Но не только провожали. Были и нерадостные встречи — приходили эшелоны с ранеными, и трупы в полном составе шла развозить их по госпиталям. И были спектакли и концерты для тех, кто в театр прийти не мог, — в госпиталях.

И, кроме всего этого, была работа — репетиции, спектакли. Уставали? Конечно. Но это постоянное напряжение, эта усталость были так привычны, что их переставали замечать. Здесь, за спиной фронта, был подлинный «второй фронт».

Эти годы далеки — рядом с Ниной Яковлевной сегодня играют уже те, кто родился после войны.

ТРИДЦАТЬ пять лет на сцене! Из них 25 — в Тюмени. Это десятки ролей, одно перечисление которых займет уйму строк. Не было спектакля-сказки, в котором не играла бы Н. Я. Кардонская — от «Красной шапочки» в 1941 году до «Волшебного пестера» в 1967, от девочки Алешушки в «Аленьком цветочке» до старушки Марьи...

Она играла красавиц —